

По морю Слепящих огней, в Ампер Сеале (1)

- Как прошли переговоры? – осторожно осведомилась Магадал у показавшейся возле кареты принцессы. Дождаться их окончания княжне-монашке пришлось долго – хватило бы не только обсудить все вопросы, но и результат обдумать.

Принцесса со вздохом расправила подол легкого серебристого платья и поежилась: на улице все еще было прохладно.

- Никак. Старый лис Аррек хочет и Харуце заманить к себе, – и добавила, пока служанка накидывала на нее теплый плащ, – этому, конечно, не бывать. Брата ему я не отдам, и сэр Макаров с учителем Флитвудом меня поддержат.

- Так каков же будет ответ? – взволнованно спросила Магадал, пока та располагалась внутри, – я ведь слышала, что посланники старшего сына его величества уже побывали у Аррека...

- Не стоит беспокоиться, – ответила принцесса, не выказывая ни малейшего признака волнения, – наш дорогой друг-герцог просит невозможного и понимает, что на такие условия мы не согласимся. Просто пока он не хочет раскрывать своих истинных намерений, а вместо этого прощупывает наши.

С этими словами принцесса выглянула в окошко экипажа, на небо над Ампер Сеале. Несмотря на конец февраля, над городом нависли серые тучи, того и гляди грозящие снегопадом.

«А сколько всего еще предстоит обсудить: переговоры затянутся...» – со вздохом подумала она.

===== Брэндель=====

Западная граница Ауина с Киррлутцем пролежала по морю Слепящих огней, получившему свое название за ослепительно-голубой цвет. Покинув порт Гри, корабль Брэнделя всего за полдня вышел в море и встал на один из основных морских путей до Ампер Сеале.

Погода выдалась ясная и солнечная, а ветра сопутствовали, так что элегантное трехмачтовое судно в окружении любопытных чаек так и летело по волнам. На борту был груз из кристаллов и изделий из них, и горы папируса – все для маскировки под торговый корабль из далекого южного Рубика, граничащего с королевством Девяти фениксов. Только там такие товары и водились, и сомнений в происхождении судна ни у кого не возникло бы.

«Давненько я не ходил под парусом... А символичное название у этого корабля: «Далекий». До Рубика и правда далековато: в игре я там побывал лишь пару раз, но если бы не расстояние – непременно вернулся бы».

Его корабль уже был зарегистрирован в Ампер Сеале, так что ненужных проволочек не ожидалось. За скорость и маневренность живущие морем грубовато, но верно прозвали его «Мускулистым красавчиком», а фрахт организовал Карглис – спасибо выстроенным отношениям между торговцами Трентайма и Ампер Сеале.

Капитану, опрятному бородачу по имени Джеймс, едва исполнилось тридцать лет. Одевался он как подобает настоящему морскому волку: просторная красная ветровка, капитанская шляпа и

поясные ножны, и даже самая настоящая трубка. Рядовому моряку в его возрасте посчастливилось бы дослужиться до старпома, так что ранг лишь доказывал его выдающиеся способности.

Как и многие капитаны, Джеймс плохо переносил контроль извне и не жаловал у себя на борту представителей власти. Брэндель впервые порадовался, что «аурой не вышел» и не производит впечатления среднестатистического дворянина. Во многом благодаря этому они наладили хороший контакт. Импонировало в Джеймсе и то, что он не только не был пьянчугой, что уже считалось серьезным достижением, но и вел себя, можно сказать, по-джентельменски.

«При первой встрече показалось, что есть в нем что-то от военного, и Карглис подтвердил: потомок одного известного военачальника, но не ауйнского. Все-таки от корней не уйдешь: хоть он и первый делец в роду, но воспитание сказывается».

Сейчас они облокотились на борт, вглядываясь в переливающую то лазурью, то серебром, то пурпуром водную гладь. Вскоре чаек в небе стало ощутимо меньше, а несколько часов спустя – окончательно исчезли из виду птицы, и береговая линия.

За время плавания Брэндель получше узнал Джеймса и его биографию: когда начал ходить под парусом, сколько лет на этом корабле, а сколько – на этом маршруте. Ответ на последний вопрос впечатлял: всего в этих водах двадцать лет, начал с юнги и дорос до старпома, а недавно дослужился и до капитана. На борту лишь единицы могли похвастаться таким же опытом, да и вообще тем, что провели всю сознательную жизнь в море.

Одобрительно кивая, Брэндель не удивлялся: похожие НПС ему уже встречались в игре.

Зато стоящей рядом смертельно бледной Амандине было не до светских бесед. Выросшая в горной местности, сейчас, окруженная бесконечными водами, она могла лишь вглядываться в линию горизонта, ловя обрывки мыслей: мозг отказывался работать. Концепция океана оказалась для нее непостижимой: раньше о таком она лишь читала в дневниках отца, но реальность даже близко не могла сравниться с описанием. Если в порту Гри ей еще хоть как-то удавалось держать себя в руках, то окруженная водными толщами, мадам советник поддалась ужасу.

Не помогали и рассказы Джеймса про морскую богиню, которой они якобы вверили свои судьбы, с ее переменчивым нравом, то благосклонным, то суровым. Если повезет – эти лазурные воды позволят «Далекому» скользить по спокойной ряби как сейчас, ну а нет – так и намного большие корабли уносило и разбивало штормами в щепки.

И все же для впервые ступившей на борт Амандина держалась очень и очень достойно.

В отличие от Ромайнэ: та поначалу пылала энтузиазмом и облазила весь корабль, но стоило им выйти в открытое море – и морская болезнь взяла свое. Борясь с тошнотой, она отправилась валяться к себе в каюту, громко жалуясь на выбор «пиратского корабля» вместо «нормального судна».

Брэндель с едва заметной ухмылкой и напомнил, что она собиралась стать великим купцом, что подразумевает частые плаванья. Ромайнэ в ответ лишь накрыла голову подушкой, вереща оттуда как придушенный цыпленок, но некоторое время спустя затихла – видимо, заснула.

- Милорд, я, кажется, начинаю понимать отца, – прокомментировала наконец Амандина, крепко держась за поручни и вглядываясь в соленые брызги и пену по бортам. Чувствовала она себя, мягко говоря, нехорошо, но о том, чтобы скрыться в каюте, пока лорд на палубе, не могло

быть и речи: оставалось стиснуть зубы и терпеть.

- Хмммм? – покосился на нее Брэндель. До нынешнего путешествия в его глазах Амандина уже меньше, чем в начале их пути, но все еще оставалась немного болезненной аристократкой. Пускай умнейшей, с дворянским воспитанием и разбирающейся во всем от политики до психологии, но точно не отличающейся крепким здоровьем, а здесь... Оказывается, вот в чем ее главное отличие от остальных: железная воля и решимость, способность идти до конца.

- До наших странствий я и представить не могла, насколько красив и переменчив наш мир, сколько здесь всего... И пускай в дневниках отца есть описания, но пока сама не побываешь и не испытаешь – считай, ничего не видела. Думаю, сегодня я окончательно поняла, что опыт приходит только с приключениями, а они стоят того, чтобы рисковать!

К тому моменту начался закат, и холодная дневная гамма оттенков на небе сменилась поразительно теплой: в сочетании с неизменными перышками облаков зрелище вышло завораживающим.

Переведя дух и немного успокоив желудок, Амандина подняла голову:

- И вот, стоя здесь, наблюдая за тем, как море на горизонте встречается с небом, я готова! Я жду-не-дождусь следующего дня и того, что он нам готовит. Думаю, именно об этом предвкушении и писал отец: ужасно интересно, что же нас ждет в конце пути! – воодушевленно закончила она, даже набравшись смелости оторвать руку от поручня и поправить взъерошенные ветром волосы. Очаровательный жест, полный одновременно невинности и кокетства, да еще и в исполнении такой красавицы.

Сквозила в ее голосе и легкая печаль: Брэндель понимал, что Амандина соскучилась по дому и все еще оплакивает смерть родителей. Уважительно помолчав, он позволил ее словам унести вдалеке, а сам задумался еще кое о чем.

«Сколько уже времени прошло, а ничего не изменилось: это тело все еще мое лишь наполовину. Да и ответа на вопрос, как бы я поступил, получи возможность вернуться в прежний мир, все еще нет».

Вернувшись в реальность, он сосредоточился на Амандине: похоже, пауза не пошла ей на пользу – она явно собралась себя жалеть. Хотя и повод для этого был, и он ее понимал как никто: они оба лишились дома.

- Не винишь отца? – спросил Брэндель наконец.

- Поначалу я даже не знала, как к нему относиться, но мама, помнится, часто раздражалась тирадами про его отсутствие. Я тогда решила, что раз поняла ее – надо попытаться понять и его – тем более, что дворянский титул обязывает детей быстрее взрослеть и быть более... понимающими.

На этом месте Брэндель мысленно закатил глаза: «Вот бы все дворянчики так рассуждали».

- И все же я его виню, – продолжила Амандина с тихим вздохом, – как бы ни был прекрасен этот мир, неужели он важнее родной дочери? Представить невозможно, насколько я завидовала соседским детям, у которых были оба родителя, пускай и жили они намного беднее.

- А отец знал про твой талант, про... Маджисайт?

- Думаю, да. Он редко возвращался домой, но каждый раз привозил с собой какие-то документы и чертежи, книги, свитки... и все это меня очень радовало, но его не заменяло. Так что, думаю, он по-своему обо мне заботился... просто не так, как мне хотелось.

Рука сама потянулась в поясную сумку: там все еще лежали найденные рядом с телом ее отца серые камушки. С другой стороны, они скорее всего имели какое-то отношение к катакомбам и Келси, так что показывать их Амандине он не спешил.

- Уверен, ты права. Ты совершенно точно не была ему безразлична, но выражал он это по-своему – так со многими бывает... И с каждым по-разному.

Обернувшись к нему, Амандина ответила озадаченным взглядом, но промолчала: подоспел Карглис с парочкой будущих Белых Львов.

У этого кадра проблем с адаптацией не было никаких: прямо-таки рожденный для странствий и перемен, он буквально за полдня приноровился к качке и уже вовсю передвигался по палубе не хуже, чем по суше.

Пораженный вновь раскрывшимся талантом Джеймс объявил Карглиса прирожденным моряком, покосившись при этом на Брэнделя. Судя по их недолгой беседе, этот парень, хоть с виду и ровесник новоявленного природного дарования, не один год провел в море – ну и сколько же ему на самом деле лет, чтобы все это успеть?

Брэндель, естественно, ссылался на книги, но Джеймс лишь недоверчиво качал головой: практический опыт и книжные знания – далеко не одно и то же, и для него, обладающего и тем, и другим, разница была очевидна.

Смущали капитана и его навыки мага: мало того, что и сам способен на что угодно, так в сквайрах у него этот Сиэль – волшебник, сильнее которого он в жизни не встречал! Как что-то не заподозрить?

Стоило Карглису со спутниками приблизиться, стало ясно, что обоим не просто нехорошо, а прямо-таки паршиво. Черт побери, ну и ну: да они даже в бой против волков в Темном лесу шли веселее!

- Недурно ты поработал со своими людьми. Я повидал рекрутов и в Ампер Сеале, и в Карсуке, но даже близко не лучше твоих, – подметил тем временем Джеймс, затягиваясь трубкой и ею же указывая на Карглиса и остальных.

- Куда там, – возразил Брэндель.

Мнение Джеймса разделяла и его команда: несмотря на зеленоватые лица и бледный вид, держались ребята неплохо и не роптали. А уж на фоне впервые вышедших в море гражданских – справлялись и вовсе отлично.

С собой в Ампер Сеале Брэндель взял сорок будущих офицеров Белых Львов, две третьих общего состава. На них возлагались большие надежды, но опыта бойцам пока явно не доставало, и эта экспедиция должна была им его обеспечить. Выжившие закаленные бойцы станут его костяком, а еще – будущим и оплотом нового государства.

Наверняка они пока этого не понимают, и вряд ли до конца осознают, какие опасности ждут впереди. Импульсивная горячность юности в сочетании с безоговорочным доверием к своему лидеру – типичное сочетание для ауинской молодежи в эту эпоху: даже понимая, что враг

невозможно силен, все равно безрассудно бросаются в атаку.

Без Ромайнэ было не обойтись – предстояли торги и переговоры – ну а беспокойство за ее причуды и боязнь странных выходов вынудило позаботиться о факторе сдерживания. К тому же, из всех его сторонников именно Амандина больше всего знала об ауинской знати. Да и голова у нее светлая – отличный помощник в непростом путешествии.

Взял Брэндель и наемников из Лоупа: опытные и по сути бессмертные бойцы много чему могли обучить его Белых Львов. Тем более, что у тех уже давно в ходу была шутка про награду в Ампер Сеале:

- Фелаэри и Дейна мне свидетели, отступить нельзя! Должно же исполниться мое собственное пророчество! – важно провозгласил тогда Брэндель, взмахом руки приглашая их на борт.

Для поддержания образа «Горного рыцаря» без Сиэля никак, а без свиты в виде Ропара, Морфея, Андреа и Медиссы – тем более, так что все обозначенные поднялись по трапу следом.

Миссия по расстройству замужества принцессы обещала быть крайне опасной, причем с первого шага в порту Ампер Сеале. Пускай они действуют тайно, но слишком много сил сейчас собралось в одном месте, и другие тоже могут преследовать свои интересы не менее скрытно. Помимо него явно есть и другие не желающие заключения брака, и королевская фракция с Арреком точно подготовились им противостоять.

И все же, даже со всеми этими силами на борту, Брэндель не считал себя готовым к открытому противостоянию.

Сомневался он и в том, стоит ли брать с собой Скарлетт: вроде бы и плохо выйдет, если ее узнает Макаров, но по возвращении из прошлой вылазки та ни шаг от него не отходила, прямо-таки стала тенью. К тому же, Кровь богов... вряд ли снова даст о себе знать, но за носителем лучше приглядывать: лучше уж напрягаться от постоянной слежки, чем жалеть о потере ценного союзника.

Самой большой неожиданностью стало появление Мефисто. Получив новости о планах Брэнделя, тот без предупреждения явился в порт и присоединился к экспедиции, объяснив это тем, что обязан обеспечить безопасность союзника в «этой клоаке Ампер Сеале». Впрочем, скажи он хоть, что достопримечательности смотреть едет – никто и слова не сказал бы: против такой силы не попрешь.

Логичнее объяснил свой отказ от приглашения присоединиться Кодан: рыцарю, все еще официально состоящему на службе у графа Ранднера, не стоит участвовать в столь подозрительных мероприятиях.

Большую часть призываемых созданий, в том числе ящеролюдов Огненного когтя, Духов Пауков Ветра, Огненного джинна и Пречистых архангелов, Брэндель отправил «на отдых» в колоду, но даже без них корабль оказался забит под завязку. Обычному купцу столько людей явно не требовалось – предпочтение традиционно отдавалось набиванию трюма товарами, а численность сопровождающих и команды сводили к необходимому минимуму. Этим-то «Далекий» и отличался от торговых судов: с нынешним количеством людей на борту он скорее напоминал военный, только за минусом пушек.

- А вам, капитан Джеймс, я вам очень благодарен за помощь. Вы сумели разместить и всех моих людей, и провиант.. Ну и прошу прощения за то, что в ущерб товарам.

- Что вы, лорд Брэндель, мы заключили сделку, и условия меня устраивают, – улыбнулся в ответ тот.

Пока что Трентайму не доставало редких и ценных товаров, но Брэндель пообещал создать для него аж новый рынок. Впрочем, особых надежд на выполнение всех этих посулов капитан не возлагал, полагаясь на солидное вознаграждение за свои услуги и собственным чутьем. Настоящему торговцу не было дела до того, что покупатель – то ли бандит, то ли бунтовщик: его волновала исключительно честность в конкретной сделке. Практика показывала, что лучше всего иметь дело с теми, кто с самого начала выкладывает все как есть без прикрас, ну и платит вперед, конечно, – именно таким человеком ему и показался Брэндель. Несмотря на слухи о том, что подлые мятежники устроили заговор против легитимного трентаймского лорда, капитан согласился на личную встречу и убедился, что перед ним – настоящий дворянин, человек обходительный и любезный, только вот немного необычный на фоне всех знакомых знатных господ. И все же, несмотря на подмеченные странности, молодой лорд явно пользовался уважением среди своих людей и вдохновлял их двигаться дальше.

Последние и впечатлили Джеймса серьезнее всего: повидавший порядком частных армий и портовых гарнизонов, он сразу отметил, что бойцы Брэнделя им не чета: таким «качеством», силой и дисциплиной могли похвастаться разве что военные на государственной службе, да и то не все.

И все эти люди не только хранили верность новому лорду: в него верили, и довольно скоро капитан и сам разобрался, почему. Понаблюдав чуть дольше, Джеймс понял, кого те ему напомнили: на корабле царило нечто вроде духа... братства? Нет, даже рыцарства: не внешнего церемониала и пафосных речей, а подлинного – того, что в сердце. Словно вернувшись в полузабытые стародавние времена, капитан в который раз задавался вопросом, как так вышло, что именно эти люди, будто вернувшиеся к истокам их государства и чтящие обеты основателей, считаются изменниками.

«Любопытно, откуда бы среди дворянских наследничков взяться такому? Наверняка с этим парнем все не так просто, но, сдаётся мне, в будущем это сулит серьёзную выгоду!»

С этой мыслью капитан «Далекого» выбил из трубки пепел и принялся набивать ее заново.